

УДК 93/94

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В ЧУВАШСКОЙ СЕМЬЕ

Н.С. Волкович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург, 199034, Россия
ООО «Эдвайз», г. Санкт-Петербург, 192286, Россия*

Аннотация

Статья написана по результатам экспедиции 2017 г. в чувашское село Егоркино (чуваш. *Якурккел*) Нурлатского района Республики Татарстан. Село, находящееся на юге республики, недалеко от границы с Самарской областью, основано в начале XVIII в. верховыми чувашами; население – более одной тысячи человек, в основном некрещёные чуваша, хотя теперь много православных, есть также русские; говорят на диалекте низовых чувашей. Живое общение автора с жителями села позволяет сравнить институт брака в традиционном обществе и его современную трансформацию. В работе для полноты анализа используются и другие источники: материалы экспедиции в Ульяновскую область; сведения, полученные из бесед с чувашами, живущими в Санкт-Петербурге и Ленинградской области; данные научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук; иные опубликованные источники. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что причиной трансформации института брака является девальвация экономического и социального влияния рода.

Ключевые слова: свадьба, семья, род, брак, церемония, этнография, чуваша

Всё наше общество, по духу своей внутренней жизни, представляло одну громадную совокупность родни, где не было и не могло быть членов, строго разграниченных своими правами.

Забелин И.Е. Домашняя жизнь русских царей. – М.: Эксмо, 2005. – С. 39

Ранее существовал крепкий институт брака, свадебная обрядность – квинт-эссенция этничности – неукоснительно исполнялась и брала своё начало с пращуров. Свадьба занимала наиважнейшее место в жизни человека как один из этапов жизненного цикла, включающего рождение, свадьбу, роды и смерть [1, с. 55; 2, с. 147–148]. У многих народов, в том числе у чувашей, развод был крайним и редчайшим событием, возможным только при отсутствии детей [3, с. 61].

Для того чтобы проследить изменения родственных связей в чувашской семье, нами была осуществлена экспедиция в село Егоркино (чуваш. *Якурккел*) Нурлатского района Республики Татарстан. В селе, основанном в начале XVIII в.

верховыми чувашами, на данный момент проживает более одной тысячи человек, в основном некрещёные чувашаи, но в то же время много православных; русские живут с середины XIX в. Говорят жители на диалекте низовых чувашей. Основываясь на полученном этнографическом материале, а также используя другие источники (материалы экспедиции в Ульяновскую область; беседы с чувашами, живущими в Санкт-Петербурге и Ленинградской области; сведения из научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук), рассмотрим институт брака в традиционном обществе и его трансформацию в наши дни.

Условимся, что под родом мы понимаем одну из форм социальной организации. Он представляет собой группу людей, возводящих своё происхождение к общему предку, основателю рода или родоначальнику по отцовской линии.

Человек был немислим вне своего рода. Жизнь осознавалась как цикличность в рамках рода. Умершие предки и живые потомки составляли монолитную ткань, где одна нить могла означать судьбу живущего, а следующая – уже умершего. Так, чувашские намогильные памятники *юпа* делались деревянными ввиду того, что сгнивший столб символизировал перерождение умершего. Схожая логика отмечается в выборе деревянных досок в качестве крыши домов на русском севере: сын должен был перекрыть сгнившую крышу (цикл 40 лет), а если он этого сделать не сможет, то разрывается преемственность. Практически весь комплекс родовых праздников чувашей (*мункун*, *шимёк*, *кёр сари* и др.) призван объединять умерших и живых в рамках единого рода [4, с. 90–93]. Понятно, что эта цикличность могла быть обеспечена только с помощью потомков, поэтому традиция осуществляла наиважнейшую функцию: она воспитывала людей *правильными* с позиции традиции. Будущим жёнам прививалось трудолюбие, забота о родных, умение мыслить себя как объединяющее начало своей семьи: «Чувашка с детства привыкает работать, когда она подрастает и становится невестой, она уже умеет вести хозяйство, прошла долгую науку вышивания, стала хорошей рукодельницей. Если она обладает этими основными качествами, то она считается хорошей невестой» [5, с. 18]. Семья является ячейкой общества. Традиционное общество (в отличие от современного «просвещённого») прекрасно понимало, что эгоцентризм и апатичность женщины способны стать угрозой для традиции в рамках рода. В собранных нами полевых этнографических материалах это отражается в следующем утверждении: «Плохих, ленивых девушек не сватали, плохая жена всю семью развалить может» (ПЭМУ 2016, ПЭМТ 2017).

Отметим, что традиция обеспечила непрерывность человеческой истории на протяжении не одного десятка тысячелетий. Она не экспериментировала и не заигрывала, а чётко проводила грань между злом и добром, потому что включала в себя весь негативный и позитивный опыт прошлого. Информант В.А. Селендеев (1937 г. р.) отмечает: «Старинные порядки не оставляем, новые порядки не придумываем!» (ПЭМУ 2016)

В норме не могли содержаться девиации. Естественный отбор и тогда, и сейчас предполагает не только выживание сильнейшего, но и гибель менее адаптированной единицы. Вторая часть этого закона почему-то забывается, когда ценностью современного воспитания является идея предоставления полной

свободы: «Дети сами разберутся, плохое будет прививкой на будущее» (ПЭМТ 2017). Очевидно, что в прошлом преобладали идеи сохранения и сбережения собственного потомства в большей степени.

В наши дни женщина может иметь несколько браков за плечами и детей от различных мужей, причём её новый муж будет положительно расцениваться обществом. Бюджет такой семьи может складываться также из взносов бывших мужей. При этом в большинстве случаев дети не теряют связи со своими биологическими отцами и историей их родов (ПЭМУ 2016). Уже ощущается необходимость создания новой терминологии для обозначения современных форм семьи. Например, классическое определение фратрии [6, с. 98–110] в некотором смысле можно применить и к упомянутой выше форме семьи. Вступление в брак теперь становится неким экзистенциальным опытом, а, например, бытовое «неудобство» является достаточной причиной для расторжения брачного союза. Ответим на вопросы: почему это произошло, что лежит в основе данных процессов?

В течение XIX – XX вв. кардинально изменилось многое, институт брака не стал исключением. Женщина получает экономическую свободу, перестаёт быть зависимой. Доктрина равноправия между полами становится ценностью общества. Слабый пол осознаёт себя успешным, самостоятельным и состоявшимся. В этот период появляются вещи, которые могут заменить мужские руки в быту: централизованное отопление (отпадает необходимость заготавливать дрова, содержать печку/котельную), холодильники (нет потребности в создании и обслуживании погреба) и т. д. Между тем в деревне, в отличие от города, мужчина *пока* всё ещё в каких-то бытовых вопросах необходим. Следует отметить, что XIX – XX столетия внесли немало изменений в семейную жизнь и для сильной половины человечества (разводы, возможность оставлять родителей, гостевой брак и т. д.).

В целом, бесспорно, возникла экономическая независимость сыновей и дочерей от своей семьи, от своего рода. Уже в XIX в. этнографы отмечали изменение свадебной традиции: у молодых появляется возможность *выбирать* жениха и невесту [7, с. 22; 1, с. 126–130], что, по мнению некоторых исследователей, произошло после реформы 1861 г. [8, с. 181]. Опрошенные нами респонденты так говорили о своём старшем поколении: «Бабушке 20 лет было, дедушке 27, ну вот, после свадьбы она увидела его» (ПЭМТ 2017, Терентьева В.А., 1940 г. р.); «Они (родители) да, знали, поэтому и женили, хотя жених и не любил, но они знали, а эта невеста лучше будет, чем та» (ПЭМТ 2017); ср.: «Воля отца была для девушки священной. Лишь в последнее время стали прислушиваться к голосу своих дочерей» [5, с. 19].

С утратой родом его экономической силы произошли изменения в народных традициях, что привело к трансформации народной культуры в целом.

В своих трудах И.Е. Забелин говорил о расширении границ нашей страны путём *естественного нарождения*. Эта мысль органично связана с тем, что в былые времена конкретная власть на местах принадлежала роду (отсюда и свод домостроя был создан как отеческий закон – от отцов, от рода, то есть не путём обособления личности) [9, с. 35–37]. Позднее, в XIX – XX вв., с интенсивным развитием политической системы род постепенно делегировал свою власть. Централизованная власть всегда была сильнее в сравнении с семейно-родовыми

устоями, поэтому роду во главе с патриархом пришлось уступить свои позиции. В результате этих глобальных процессов в конечном итоге мужчины и женщины обрели самостоятельность и перестали быть жёстко зависимыми от своего рода.

Наблюдения за ретроспективой свадебной традиции чувашей, сравнение её с реалиями мегаполиса позволяют утверждать, что причиной трансформации института брака является девальвация силы рода. Информант Е.Н. Перепёлкина (1940 г. р.) в беседе указывает на утрату власти старшего поколения по отношению к внукам: «Мы ничему не можем их заставить!» (ПЭМТ 2017). Такое изменение является очень значимым, поскольку воздействие *старших* в чувашской культуре некогда было наисильнейшим. В обрядовом фольклоре существовал культ старших – иерархия отношений, где родственные узы абсолютны. По канонам *çавра юрă* («закруглённая» песнь, народное четверостишие) младшие всегда обращаются к старшим, а те, в свою очередь, к своим предкам или божествам [10, с. 29, 39]. И никак не наоборот.

Отношение чувашей (не только молодых, но и уже имеющих собственные семьи) к своим родителям сегодня в большей степени диктуется современной культурой потребления. Полученные нами сведения от информантов свидетельствуют об отсутствии структурированной помощи родителям от взрослых детей в хозяйственных делах (ПЭМУ 2016, ПЭМТ 2017). Всё это в совокупности указывает на вовлечение чувашской деревни в процесс общей глобализации. Кроме того, село Егоркино находится вне Чувашии, является тем пространством, где старинные традиции более почитаемы и сохраняемы ввиду территориальной обособленности [11]; чувашская община стала жить здесь с начала XVIII в., переселившись из Чувашии для сохранения собственной веры и избегая крещения [12, с. 60; 13, с. 98].

Часть чувашей отмечают и позитивные тенденции: «Хотя дети и живут в городах, приезжают в деревню, чтобы отремонтировать и обновить дом, не бросают – соревнуются друг с другом, ведь они знают друг друга (из одной деревни, в одной деревне росли, хотя и живут теперь в городе)» (ПЭМТ 2017, Федотова (Ермилова) Е., 1973 г. р.).

Женщины преклонного возраста определяют роль мужчины в современном пространстве как «ненужная, лишняя мебель», аргументируя это тем, что дров теперь не нужно, пенсию просто так платят, для текущего ремонта можно нанять людей и проч. (ПЭМТ 2017). Но есть и другое мнение. Е.Н. Перепёлкина, например, эмоционально констатирует: «Без мужа тяжело, мужа надо! С ним чай пить, ругаться надо. Сыновья НИЧЕГО! Сына попросишь, он забудет. Ему потом напоминаешь: “Ты, мне <Коля> чего-то не сделал”, а сын: “А ты мне и не сказала”. Забыл он. А с мужем поругаешься, пообнимаешь его, перекукуешь, всё равно сделает!». Л.Ф. Молейкина подхватывает: «Как без мужа!? А картошку попробуй!?» В ответ на возражение о возможности купить картофель она отвечает: «На всё денег не хватит! Как не нужен муж-то!?» В итоге все они резюмируют: «Мебель нужная!» (ПЭМТ 2017). Настаивание на своём, защита традиции – признак её разрушения [4, с. 62]. В прошлом наличие мужа понималось строго как норма и обсуждению не подлежало [1, с. 125–126; 4, с. 132]. По древнему поверью чувашей каждая девушка должна была выйти замуж – иначе на том свете ей придётся быть женой злого духа и стирать его бельё [5, с. 20].

Личные беседы с жителями села Егоркино позволяют сделать два значимых наблюдения.

Во-первых, мы видим, насколько *в памяти* чувашей всё ещё крепки традиции, о которых теперь можно прочитать только в книгах о жизни 300-летней давности. Большинство людей старшего поколения в селе Егоркино достаточно хорошо воспроизводят сценарий традиционной свадьбы или по крайней мере отчётливо вспоминают какие-то этапы при уточнении: «Нет, у нас не так, это в Чувашии, у нас вот так» (ПЭМТ 2017).

Свадебный ритуал (как и миф) не «программирует» мир, а объясняет и включает участника в него. Как указывал Б. Малиновский, миф – это реальность [14, с. 279, 287].

На свадьбе чувашаи осыпали молодых зёрнами, рассыпали горох по лавкам, постель новобрачным устраивали в местах обработки зерна и т. д. [15, с. 12–13], то есть происходило соприкосновение с бесчисленными предметами (закливание на изобилие). Значение таких обрядов не может интерпретироваться только с позиций продуцирующей магии. Единство комплекса всех этапов свадьбы должно достигать своей цели – объединения и интеграции молодожёнов в плоть рода; сами составляющие элементы (обряды) всегда должны иметь связь с этой центральной целью.

В обыденности прошлого не использовали приёмов продуцирующей магии при каждом последующем соитии супругов, хотя благодаря этим актам близости будут рождаться дети. Вопреки общему мнению, пожилые чувашаи, с кем нам доводилось беседовать в ходе работы, достаточно охотно делились воспоминаниями об интимности. Они спокойно говорили о том, что помнят, когда семья жила под одной крышей: «Всё проходило тихо» (ПЭМТ 2017). Табуировано было вмешательство: «Отец уходил на заработки из деревни. Я вернулся раз в избу внезапно, а там отец с матерью были, отец вскочил и захлопнул дверь прямо перед носом. Я и руку одёрнуть не успел, вот теперь обрубок вместо пальца» (ПЭМС 2014). Никто не припоминал каких-то особых «магических» приёмов своей или родительской близости. В обыденной жизни интимное сакрально, поэтому оно и скрывалось, то есть было защищено [16, с. 419]. На свадьбе же этот запрет снимался только по одной причине: сама свадьба есть сакральное. Любой элемент свадьбы, имеющий сексуальный подтекст, также связан с общей идеей традиции, но в более раскрепощённом виде, дозволенном на свадьбе; ни в коем случае это не предполагало усиления сексуальности самой по себе.

В нашей интерпретации ритуал описывает первособытие: свадьба, соитие молодых порождает/продолжает жизнь, является ритуалом перехода (перерождения). *Невеста* и *жених* становятся *продолжателями*, от которых происходит и это зерно, и это гумно, и этот дом и т. д. Женитьба совершается в рамках материальных ценностей рода, а молодожёны становятся следующими накопителями в жизненном цикле рода. В традиции транслируется идея, что от их конкретного союза (свадьбы) должно *продолжиться* изобилие рода. Молодые – это то звено, чьё время *теперь* пришло. С помощью всех этапов свадьбы жених и невеста перерождаются, становятся *объединёнными* этой идеей. От союза их пращуров берёт начало материальная основа рода, а очередные потомки – это

крепко связанные с ними продолжатели. Оговоримся, что свадьба является одним из важнейших этапов интеграции молодой жены в род мужа наряду с такими периодами, как воспитание, рождение первого ребёнка и др.

Свадьба выражает идею преемственности рода, связанности поколений, природного и, значит, правильного, круговорота жизни, а обручальное кольцо выступает как образ мира:

Я качу, качу колечушко,
Я качу, качу золочёное;
За колечушком девица идёт,
За собой добра молодца ведёт,
За собой ведёт прекрасного.

[17, с. 353].

С этим же связан запрет что-либо резать на чувашской свадьбе: «Привезённые родителям жениха гостинцы девушки не режут, а обязательно разламывают, нельзя даже надавливать ногтем, когда разламываешь» [18, с. 7]. Логика отсечения/отрезания, свойственная некоторым обрядам отделения, здесь не уместна [2, с. 54, 77].

Действо свадьбы несёт определённый культурный код для каждого звена – от мальчишек до молодожёнов. По этой причине старики отчётливо помнят её сценарий: «Мы ещё детьми смотрели. Ох, какая красота была!» (ПЭМТ 2017).

Сегодня экономическая сила рода сильно девальвировалась, поэтому ритуал перестал быть необходимым, оставив только уже непонятные современникам рудименты из глубокого монолита традиции свадьбы прошлого в виде посыпания молодых зёрнами, куклы на капоте машины, фаты и т. д. В селе, например, сватовство до сих пор является обязательным (ПЭМТ 2017). В связи с этим отметим, что трансформация происходит неравномерно на селе и в городе. Так, респондент Е. Федотова (Ермилова) замечает: «Хотя свадьбы и проводят в городе, если даже там и не смогли спеть свадебные песни (может, тамада помешал, может, певец не посмел запеть один), но, когда вернутся в деревню, хотя и на другой день, поют ту свадебную песню. Старшая сестра моего отца пела после свадьбы своего внука, на следующий день, так как она не смогла спеть в Нурлате. Постеснялась, побоялась, вдруг никто не поддержит песню (не будет петь вместе). Свадьба была в районном центре, молодёжь была в основном русскоговорящая. Старшие хотят научить молодёжь, не хотят, чтобы старинные обряды пропали, *не хотят прервать [связь поколений]*, пока сами живы-здоровы, как их учили их родители. Эти порядки стараются передать и сохранить» (ПЭМТ 2017).

Во-вторых, после бесед все респонденты были благодарны за напоминание об их ушедших мужьях/жёнах, их любви. Но их женили/отдавали замуж в основном ещё по воле родителей. Некоторые прямо говорили: «Бил меня. Тогда этих не было, уже четверо детей, куда ещё? Аборт надо. Я его к себе не допускала. Выпьет и бьёт меня. А мне деваться некуда...»; или: «Однажды ушла от него к маме, иду, плачу и вспоминаю утку под крыльцом, ей надо выводиться – что с ней будет? Жалко было. Вот только из-за неё и вернулась...»; «А куда деваться-то? Первый год одного родила, второй год другого. Деваться некуда!»; «Сдерживало хозяйство!» (ПЭМТ 2017).

Все респонденты отмечают, что родители дочку после свадьбы обратно не принимали. Е.Н. Перепёлкина вспоминает: «Мне 20 лет было, муж током убился, ребёнок остался. Говорю матери: “Никого ведь нету, бери меня обратно”. Мать говорит: “Нет! Я замуж тебя отдала, вышла замуж, живи!” Кому она меня оставила!? Кому!? Зачем!?” Очевидно, что оставляли её всё ещё по традиции (она перешла в другой род навсегда). О том же сообщает В.Ф. Кульметьева (1951 г. р.): «Родители раньше как говорили: куда пошла – там и пропадай!» Этнографы указывают на распространение левирата среди чувашей [5, с. 22].

Сравнивая прошлые отношения между детьми и родителями с настоящими, Е.Н. Перепёлкина говорит: «Мы слишком любим своих детей, они для нас как иконы! Раньше так не было» (ПЭМТ 2017). Отмечается очевидный сдвиг во взаимоотношениях родителей и детей.

Эмоциональная привязанность чувашей к ушедшим жёнам/мужьям очень показательна и типична. Несмотря на наличие негативных воспоминаний, люди позитивно расценивают собственный брак.

Классическая формула чувашского брака ярко отражена в народной песне, раскрывающей сакральное значение волос девушки, которыми они связана с мужем:

К этому парню из деревни Старые Алгаши
Моя душа не расположена,
Но то, что Туря предписал,
Всё равно, что волосами привязаны.

(НА ЧГИГН, с. 323).

Перед всеми собеседниками был поставлен вопрос о том, почему раньше супруги жили вместе всю жизнь, а разводов не было? Респонденты единодушно отвечали: «*Раньше старых уважали, слушались!*» Старики объясняют: «Девочек воспитывали в трудолюбии, прививали хозяйственность с детства, воспитывали их в *уважении*. В семье жену разве муж сможет воспитать? Никак! Вот родители жениха и старались ему найти только хорошую невесту, такую, чтобы с её родителями не было бы неудобно сесть за один стол. О девушке, о её родителях всё узнавали. Если ленивая или непослушная или у неё семья плохая, то такую никто и не сватал» (ПЭМС 2014, ПЭМУ 2016, ПЭМТ 2017).

Под уважением респонденты здесь понимают вообще мировоззрение невесты и жениха, а не признание силы родителей. Так, девушка с детства воспитывается в уважении к системе традиционных ценностей, а жених принимает выбор родителей ввиду уважения к этой традиционной системе, что обусловлено, в свою очередь, уже и его воспитанием.

Интересные наблюдения сделаны нами по такой теме, как отношение мужчин к женщинам. Например, решающим аргументом в споре автора со строителем по поводу типа кровли стало следующее утверждение: «Так жена захотела»; другие – логические – доводы успеха не имели. Мужчины-респонденты из села Егоркино тоже соглашались: «Они все [женщины] – настоящие хозяева!» (ПЭМТ 2017, Терентьев А.С. 1936 г. р.). В этих эпизодах отражается мужское дуалистическое отношение к женскому: и рациональное, и иррациональное.

В традиционном обществе женщина в семье, с одной стороны, выполняла созидательные функции (воспроизводство рода, воспитание, единение семьи и др.), а с другой – она же ещё и чужачка в роде мужа. Информант Л.С. Емельянова (1939 г. р.) говорила: «Она чужая там, сядешь, *они* с похмелья картошку на огне жарят, сами не могут кушать, очень вкусная картошка, потому что у них похмелье, а мне так охота кушать, а кушать неудобно в новом доме, мне стыдно кушать одной. Стесняешься, боишься их»; А.С. Терентьев подчёркивал: «Жену к родителям не пускал, чтобы не учили плохому» (ПЭМТ 2017). Женщина, оставаясь представителем чужого рода, не разрушает границы рода мужа. Причём свадебная обрядность и традиционная культура разворачивает данную ситуацию как институциональную. Естественно, что такие процессы могли быть закреплены только в условиях контракта между *уже* сформированными родами, способными выдвинуть и, главное, соблюдать, в том числе и по принуждению традиции, свои условия. Форма чувашской свадьбы *вӑрласа* (с умыванием) или *сураҫса* (по сговору, традиционная) [18, с. 3] здесь не имеет особого значения, важно, что сама граница могла возникнуть только между двумя сильными и самостоятельными родами. Культурные связи начинались с брачных отношений [6, с. 64]. Примером из классической мифологии могут служить любовные похождения Зевса, в итоге которых он приобретал от каждой из очередных жён новые качества (от Метиды – мудрость и хитрость, от Фемиды – понятие равенства и справедливости и т. д.). Чем ниже уровень цивилизации основного общества, тем более автономны эти сообщества, а их контуры тем более чётко очерчены [2, с. 7].

У респондентов ещё сильна была память о прошлой силе родов и возможных последствиях ухода жены от мужа в результате семейного конфликта, поэтому матери и не принимали своих дочерей. Г.Ф. Перепёлкина вспоминает про знакомую: «Плохо было, она вернулась к матери. В другую деревню [Салдакаево] она пошла пешком. Потом её муж пришёл за ней. Её родители ему: “Вот тебе нугайка – один раз лошадь ударь, ещё один – жену!” И она никогда больше не уходила! Вот» (ПЭМТ 2017).

Собеседники называли и другие причины, по которым женщины не возвращались в родительский дом, несмотря на трудности в семейных отношениях. Например, Е. Федотова (Ермилова), говоря про старшую сестру отца, которую взяли замуж путём кражи, замечает, что та «не вернулась обратно, терпела и жила, думала вот как: “Шесть младших сестёр есть, придут к ним свататься, увидят, кто дома с ними живёт, “Разведённая и вернувшаяся в дом родителей старшая сестра есть”, – скажут. Ведь могли так сказать, ей не хотелось, чтобы из-за неё страдали младшие сёстры, терпела, но жила в доме мужа. Некоторые не хотели приносить горя своим родителям, так и не разводились, терпели, но жили с мужем. Жили» (ПЭМТ 2017). Эти причины являются системными, они упоминаются в источниках ещё начала XX в.

На вопрос о возможности заключения брака между родственниками до седьмого колена собеседники обычно отвечали, что у них такого уже не было или что так лучше, тем самым они невольно проявляли свою осведомлённость относительно этого обычая (ПЭМС 2014, ПЭМУ 2016, ПЭМТ 2017), ср.:

«Раньше следили, теперь не следят. Счас до четвёртый можно уже. А седьмое мы и не помним почему. Не знаем» (ПЭМТ 2017).

С изменением общественных реалий произошли изменения и в обыденном сознании: «Это раньше женщины должны были подчиняться одному мужику, когда жили большой семьёй. Иначе был бы бардак, а теперь всё это время прошло»; «Мужика лишили единоличного хозяйства, теперь баба стала сама себе голова» (ПЭМС 2010). Естественно, в такой ситуации родовым порядкам не остаётся места.

Выводы. Действо свадьбы давало всем участникам осознание своей роли по отношению к роду. Её главная цель заключалась в том, чтобы сделать молодых супругов органичной частью рода, его естественным продолжением. Свадьба – это обряд перехода, благодаря которому молодые начинали воспринимать новую семью как сопряжённую со своим родом.

Каждый элемент комплекса свадьбы имел собственное значение и всегда находился в контексте общего смысла идеи рода. Эти элементы формируют сам ритуал, поэтому невозможно рассматривать их обособленно.

Причиной трансформации института брака является девальвация влияния рода. В прошлом род формировал уклад жизни. Потеря им экономической и социальной силы вызвала утрату народной традиции в целом, что отчётливо видно на примере свадьбы.

Особое отношение человека к своей семье, к своему роду является и будет являться константой. По этой причине народная культура будет сохраняться, но в то же время постоянно переосмысливаться. Возрождение народных обрядов есть подтверждение сказанному.

Современная культура потребления транслирует ценности, диаметрально противоположные традиции (эгоцентризм, апатия, иждивенство и др.). В настоящее время большинство браков создаётся ещё по инерции, но многие молодожёны уже не способны удерживать уклад семьи. Многие женщины не мыслят себя как объединяющее начало в семье, что ранее прививалось традиционной культурой. Женщина оказалась вне традиционной системы ценностей: (воспитание, ответственность перед своим родом и т. д.). Отсюда и проистекает огромное количество разводов. Система ценностей прошлого является препятствием к достижению личностного удовлетворения.

Инерция культуры потребления только набирает силу: чувство эгоцентризма среди следующих поколений будет возрастать, а следовательно, в скором будущем рождение детей, брак и т. д. могут считаться атавизмом.

В прошлом род осуществлял трансляцию своих ценностей в собственной сфере влияния. Утрата границ его территории, рассеивание в пространстве есть побочный результат общего процесса девальвации силы рода. Сегодня трансляция ценностей культуры потребления более эффективно осуществляется через масс-медиа, субкультуру, моду и т. д. Субстанции рода как базиса для воспитания людей, способных мыслить себя объединяющим звеном, тают на глазах. В таких реалиях приходится говорить о трансформациях со знаком «минус».

Источники

- ПЭМС 2010 – Полевые этнографические материалы, собранные автором в 2010 г. в Санкт-Петербурге // Личный архив автора.
- ПЭМС 2014 – Полевые этнографические материалы, собранные автором в 2014 г. в Санкт-Петербурге среди участников фольклорного ансамбля «Парне» чувашского землячества // Личный архив автора.
- ПЭМУ 2016 – Полевые этнографические материалы, собранные автором в 2016 г. в Цильнинском районе Ульяновской области // Личный архив автора.
- ПЭМТ 2017 – Полевые этнографические материалы, собранные автором в 2017 г. в Нурлатском районе Республики Татарстан // Личный архив автора.
- НА ЧГИГН – Науч. архив Чуваш. гос. ин-та гуманитар. наук. Ед. хр. 7: Ашмарин Н.И. Этнография, топонимика, фольклор. 1899–1901 гг. – 1080 с.

Литература

1. Бузин В.С. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области): Материалы и исследования. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 640 с.
2. Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. – М.: Вост. лит. РАН, 1999. – 198 с.
3. Кийков А. К истории семьи и брака у башкир, татар, мордвы и чуваш // Башкир. краевед. сб. – Уфа: О-во по изуч. Башкирии, 1927. – № 2. – С. 54–61.
4. Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. – 688 с.
5. Михайлов А.И. Чувашка. – М.: Охрана материнства и младенчества, 1928. – 46 с.
6. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. – М.: Наука, 1964. – 328 с.
7. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре: в 10 вып. / Под ред. В.П. Аникина. – М.: Худож. лит., 2001. – Вып. 4: Юность и любовь. Свадьба / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю.Г. Круглова. – 525 с.
8. Кушкова А.Н. Конфликт отцов и сыновей: лишение наследства и отцовское проклятие // Мужской сборник / Сост. А.И. Морозов. – М.: Лабиринт, 2004. – Вып. 2: «Мужское» в традиционном и современном обществе. – С. 178–186.
9. Забелин И.Е. Домашняя жизнь русских царей. – М.: Эксмо, 2005. – 445 с.
10. Кондратьев М.Г. Чувашская савра юрă и ее татарские параллели. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1993. – 80 с.
11. Ягафова Е.А. Этноконфессиональные меньшинства чувашей // Этнограф. обозр. – 2008. – № 4. – С. 114–124.
12. Ендиряков В.А., Ендирякова Н.Г. Религиозные верования чувашского населения Егоркинской волости Чистопольского уезда Казанской губернии до октября 1917 года // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. – 1999. – № 4. – С. 59–62.
13. Столярова Г.Р. История формирования и обрядность чувашей-язычников Татарстана // Этнограф. обозр. – 2006. – № 2. – С. 96–115.
14. Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М.: Рефл-бук: СЕУ, 1998. – 290 с.
15. Петров И.Г. Репродуктивные мотивы в свадебной обрядности чувашей (середина XIX – начало XX века) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 30. – С. 11–17.
16. Эвола Ю. Метафизика пола. – М.: Беловодье, 1996. – 448 с.

17. Михайлов С. Собрание сочинений. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 510 с.
18. Прокопьев К.П. Брак у чуваш. – Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1903. – 63 с.

Поступила в редакцию
16.12.17

Волкович Никита Сергеевич, экстерн

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., д. 3, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия

генеральный директор

ООО «Эдвайз»

ул. Димитрова, д. 24, корп. 2, г. Санкт-Петербург, 192286, Россия

E-mail: nvolk@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 3, pp. 676–687

Transformation of Relations in the Chuvash Family

N.S. Volkovich

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
Saint Petersburg, 199034 Russia*

ООО “Advice”, Saint Petersburg, 192286 Russia

E-mail: nvolk@mail.ru

Received December 16, 2017

Abstract

The paper is based on the results of the expedition organized in 2017 to the Chuvash village of Egorkino (*Якурккел*, Nurlat district, Republic of Tatarstan). The village is located in the south of the Republic, near the border with the Samara region, and was founded by the Upper Chuvash in the early 18th century. Most villagers are unbaptized Chuvash people. Currently, many of them are, however, Orthodox Christians. A small proportion of the population is made by Russians. The villagers speak the Lower Chuvash dialect. The institution of marriage in the traditional society and its modern transformation have been assessed by the live contacts with the villagers. Other sources have been used during the analysis to confirm the obtained conclusions: the materials of the expedition to the Ural region; conversations with Chuvash people from Saint Petersburg and the Leningrad region; data of the scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities; other publications. It has been suggested that the transformation of the marriage institution was caused by the devaluation of the economic and social influence of the family.

Keywords: wedding, family, generation, marriage, ceremony, ethnography, Chuvash

References

1. Buzin V.S. *Rozhdenie, vstuplenie v brak i smert' v traditsionnoi yuzhnorusskoi obryadnosti* [Birth, Marriage, and Death in the South Russian Rites (Lipetsk, Tambov, and Penza Regions): Materials and Studies]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2015. 640 p. (In Russian)
2. Gennep A. van. *Obryady perekhoda: Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rites of Passage: A Systematic Study of Rites]. Moscow, Vost. Lit. Ross. Akad. Nauk, 1999. 198 p. (In Russian)

3. Kiiikov A. On the history of family and marriage in the Bashkirs, Tatars, Mordvins, and Chuvash. *Bashkirskii Kraevedcheskii Sbornik*, 1927, no. 2, pp. 54–61. (In Russian)
4. Salmin A.K. *Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda* [Holidays, Rituals and Beliefs of Chuvash People]. Cheboksary, Chuv. Kn. Izd., 2016. 688 p. (In Russian)
5. Mikhailov A.I. *Chuvashka* [Chuvash Women]. Moscow, Okhrana Materinstva i Mladenchestva, 1928. 46 p. (In Russian)
6. Zolotarev A.M. *Rodovoi stroi i pervobytnaya mifologiya* [Clan System and Primitive Mythology]. Moscow, Nauka, 1964. 328 p. (In Russian)
7. Anikin V.P. (Ed.) *Mudrost' narodnaya. Zhizn' cheloveka v russkom fol'klоре* [Folk Wisdom. Human Life in Russian Folklore]. Iss. 4: Youth and love. Wedding. Moscow, Khudozh. Lit., 2001. 525 p. (In Russian)
8. Kushkova A.N. The conflict of fathers and sons: Disinheritance and father's curse. In: *Muzhskoi sbornik* [Men's Collection]. Iss. 2: The "masculine" in traditional and modern society. Moscow, Labirint, 2004, pp. 178–186. (In Russian)
9. Zabelin I.E. *Domashnyaya zhizn' russkikh tsarei* [Home Life of Russian Tsars]. Moscow, Eksmo, 2005. 445 p. (In Russian)
10. Kondrat'ev M.G. *Chuvashskaya savra yura i ee tatarskie paralleli* [The Chuvash çavra юрă and Its Tatar Equivalents]. Cheboksary, NIIYALIE, 1993. 80 p. (In Russian)
11. Yagafova E.A. Ethno-religious minorities of the Chuvash. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2008, no. 4, pp. 114–124. (In Russian)
12. Endiryakov V.A., Endiryakov N.G. Religious beliefs of the Chuvash population of the Egorkinskaya volost, Chistopolskii uyezd, Kazan governorate until October 1917. *Vestnik Chuvashskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 1999, no. 4, pp. 59–62. (In Russian)
13. Stolyarova G.R. Rites of Chuvash pagans in Tatarstan. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2006, no. 6, pp. 96–115. (In Russian)
14. Malinovskii B. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, Science, and Religion]. Moscow, Refl-buk, CEU, 1998. 290 p. (In Russian)
15. Petrov I.G. Reproductive motives in Chuvash wedding ceremonies (the middle of the 19th – early 20th centuries). *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2013, no. 30, pp. 11–17. (In Russian)
16. Evola J. *Metafizika pola* [The Metaphysics of Sex]. Moscow, Belovod'e, 1996. 448 p. (In Russian)
17. Mikhailov S. *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]. Cheboksary, Chuv. Kn. Izd., 2004. 510 p. (In Russian)
18. Prokop'ev K.P. *Brak u chuvash* [Marriage in the Chuvash]. Kazan, Tipo-Litogr. Imp. Univ., 1903. 63 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Волкович Н.С. Трансформация родственных связей в чувашской семье // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 3. – С. 676–687. ⟩

⟨ **For citation:** Volkovich N.S. Transformation of relations in the Chuvash family. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 3, pp. 676–687. (In Russian) ⟩